

Меняющаяся конфигурация мирового порядка и группа БРИК*

Олег Приходько

События первого десятилетия XXI в. свидетельствуют в пользу прогнозов тех, кто полагает, что к середине текущего столетия в глобальной расстановке сил произойдут сдвиги, в результате которых впервые за последние 500 лет западные державы перестанут доминировать в мире.

В среднесрочной перспективе роль США и европейских государств будет относительно сокращаться наряду с уменьшением их веса в мировой экономике. В глобализирующемся мире происходит размывание основы, на которой сформировались структуры послевоенного миропорядка, чья ограниченность становится все более очевидной в сравнении с более диверсифицированными механизмами регулирования международной системы. Глобальный финансово-экономический кризис ведет к фактическому замещению «G-8» более представительным форумом «G-20». Мировой центр политического и экономического притяжения постепенно смещается из Атлантического региона в Азию и Азиатско-Тихоокеанский бассейн.

Трансформация международной системы

Представление о миропорядке, характеризующемся многополярностью, получает все большее распространение по мере того, как восходящие державы демонстрируют устойчивые

темпы экономического роста и борются с признанными доминирующими державами за равноправие в международных делах. С каждым годом все отчетливее проявляется тенденция *отно-*

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович – кандидат исторических наук (Институт США и Канады РАН). E-mail: olegvladim@yandex.ru

Ключевые слова: миропорядок, группа БРИК, Бразилия, Россия, Индия, Китай, трансформация, перераспределение влияния и экономической мощи.

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Невоенные инструменты внешней политики в полицентрическом мире» по гранту Российского гуманитарного научного фонда №09-03-00804 а/р.

сительного сокращения экономического и внешнеполитического влияния Запада*.

Под тяжестью финансово-экономических проблем, обострившихся в результате кризисных явлений последних лет, Америка вступила в период вынужденных ограничений, которых она не знала с 30-х годов XX в. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., самый сильный за последние 75 лет, подорвал доверие к американской модели. Он усилил тенденции, которые ведут к эрозии американской однополярности. Перераспределение квот в рамках МВФ в пользу ведущих государств с формирующейся рыночной экономикой, включение этих стран в состав Форума по финансовой стабильности, предполагаемое создание новых международных институтов по проблеме изменения климата и другим глобальным вызовам является отражением долговременных глобальных сдвигов, которые происходят в международной системе.

Не столь заметно, но все-таки сокращается влияние США и в сфере международной безопасности.

Запад ведет политико-дипломатическую борьбу с государствами «Юга» по вопросу ядерного нераспространения и укрепления режима ДНЯО, где сложилась патовая ситуация: сохраняется неопределенность вокруг ядерных программ Ирана и КНДР; Пакистан и Индия отказываются присоединяться к упомянутому договору в качестве неядерных государств; именно на «Юге» растет число так называемых пороговых государств. «Юг» выступил против инициатив западных держав в ООН по урегулированию конфликтов

в Бирме, Судане и ряде других регионов. В отличие от прошлых лет договоренности между США и ЕС оказались недостаточно, чтобы обеспечить результативность текущего раунда переговоров ВТО в Дохе по либерализации мировой торговли, которые застопорились во многом из-за неуступчивой позиции Бразилии и Индии.

События последних лет делают все менее убедительными аргументы тех, кто оспаривает, что мир становится полицентричным. К числу новых (потенциальных) полюсов большинство политологов относят ЕС, Китай, Индию, Бразилию, а некоторые – и Японию.

Хотя оценки разнятся, но, проецируя в будущее нынешние тенденции экономического развития, эксперты предполагают, что к 2020 г. на долю США, Китая и ЕС будет приходиться почти по 20% мирового ВВП, на Индию – 10% и Японию – около 5%. Хотя к тому времени США останутся доминирующей в военном отношении державой, их внешнеполитическое влияние уменьшится по сравнению с нынешним периодом.

Формирующийся миропорядок будет во многом определяться взаимоотношениями между США, Евросоюзом и Китаем.

Каждый из этих трех столпов формирующегося мирового порядка продвигает свою версию мироустройства, которая в наибольшей степени отвечает именно его интересам и представлениям. Стабильность нового миропорядка будет зависеть от того, установится ли равновесие между этими тремя полюсами.

* В одном из недавних докладов Политического комитета ЗЕС констатируется снижение влияния Запада в международных отношениях, а также тот факт, что сегодняшний мир все меньше регулируется традиционными международными системами¹.

По мнению бывшего сотрудника института Брукинса, а ныне старшего аналитика Фонда «Новая Америка» (Вашингтон) П.Канна, США придется привыкать к более скромному месту в мире. Он сомневается, что Соединенные Штаты смогут вернуться к своему прежнему привилегированному положению глобально доминирующей державы.

Целый ряд американских политологов – а это преимущественно представители разных направлений школы «реализма» (К.Уолтц, Дж.Миершаймер, Ч.Капчан, К.Лейн и т.д.) и либерального течения (в частности, А.-М.Слотер и Дж.Айкенберри) – изначально поставили под сомнение тезис своих оппонентов из консервативного лагеря, что пребывание США в статусе гегемона продлится длительный период времени, и предсказали неизбежность сравнительно скорого перехода к многополярному мировому порядку.

В своих работах они призвали США умерить гегемонистские амбиции и подумать о том, как приспособиться к новому перераспределению сил в мире.

Директор Центра европейских реформ (Лондон) Ч.Грант полагает, что для Европы наиболее желательной была бы модель *«многосторонней мультиполярности»*.

«Более демократические державы имели бы естественную склонность работать сообща, полюса образовывали бы коалиции, меняющиеся в зависимости от конкретной проблемы. Все полюса были бы привержены власти закона и играли бы активную роль в международных институтах и договорах»².

Однако беспрецедентный валютный и долговой кризис, обрушившийся на еврозону (и не только из-за накопившихся проблем Греции, которая первая из стран ЕС оказалась на грани суверенного дефолта) еще больше ограничил возможности Евросоюза конвертировать свой экономический потенциал в глобальное политическое влияние. Он во многом подтвердил утверждения

скептиков, которые указывают на несформированность ЕС как целостного субъекта международных политических отношений. Даже по самой насущной для себя проблеме, такой как финансовое спасение Греции и будущего всей еврозоны, страны ЕС долгое время не могли договориться, доведя ситуацию до критической черты.

В контексте этих событий уже не вызывает удивления, почему в резюме к докладу Национального совета по разведке (НСР) США о прогнозе мирового развития на 2025 г., который был обнародован в ноябре 2008 г., Евросоюз вообще не фигурирует. Отсутствие в этом заключении всякого упоминания о ЕС означает, что американское разведсообщество не видит его как потенциальный центр силы в многополярном мире.

Британский политолог Р.Шеферд замечает в этой связи: «Весьма красноречиво, что многополярный мир, о котором говорит НСР, рассматривается в составе США, Китая, Индии, России и Бразилии, – это все национальные государства. А ЕС с его наднациональной природой сюда видимо не вписывается»³.

Если ЕС не в состоянии играть роль контрбалансера американского влияния в мире, то Китай, конечно, будет использовать свою растущую экономическую мощь и дипломатическое влияние для сдерживания США, хотя постарается это делать не в провоцирующей форме.

Многих на Западе настораживают восстановление Россией своей традиционной роли как великой державы, ее возрождение в качестве самостоятельного центра регионального влияния и доминирование на постсоветском пространстве, усилия Москвы продвижению своих геополитических и геэкономических целей, включая завоевание рынков для экспорта своих энергоре-

сурсов. По мнению ряда американских аналитиков, Россия предлагает свою собственную авторитарную госкапита-

листическую модель развития как альтернативу демократическому либерализму США (Запада).

Меняющаяся роль «восходящих держав»: группа БРИК

Одной из существенных черт происходящей трансформации мирового порядка является меняющаяся роль так называемых *восходящих держав*.

Она затрагивает проблему статусности государств и определения их места в неформальной иерархии международных отношений. Группа четырех самых больших государств с формирующейся рыночной экономикой – Бразилия, Россия, Индия, Китай – были объединены в группу под общим названием БРИК экспертом всемирно известного рейтингового агентства «Голдман Сакс» Дж.О'Нейлом, который впервые употребил эту аббревиатуру в 2001 г. Он предположил, что Бразилия, Россия, Индия и Китай, на которые приходится 20% мировой экономики, более четверти территории и свыше 40% населения мира, к 2050 г. вытеснят Европу из списка 6 самых крупных экономик мира и превзойдут Запад по размеру ВВП. Интересно, что в тот период между странами БРИК еще не было реального взаимодействия в четырехстороннем формате, а первый саммит «четверки» прошел лишь спустя 8 лет.

В наименьшей степени глобальный финансово-экономический кризис отразился на темпах экономического роста Китая, в отношении которого само это понятие применимо весьма условно, особенно если сравнить положение этой страны с другими ведущими державами и учесть тот факт, что ее ВВП

увеличился в 2008–2009 гг. на 9,6% и 8,7% соответственно (даже с поправкой на специфику расчета этих данных китайской стороной, которые в действительности могут оказаться менее впечатляющими).

Во многом это относится и к Индии, чей ВВП вырос в этот период соответственно на 5,1% и 6,8%*.

Все практически сходятся в том, что эти азиатские гиганты станут новыми полюсами будущего миропорядка. Эксперты предсказывают, что Китай сравняется с США по размеру ВВП в течение ближайших 25–30 лет. Растущая экономическая мощь восходящих держав несет с собой увеличение их влияния в мире и усиление конкуренции с ними нынешних столпов мировой системы (США, ЕС, Японии).

События последних лет выбивают почву у тех, кто утверждает, что БРИК – это всего лишь аббревиатура для обозначения четырех крупнейших формирующихся рыночных экономик, которые объединены в одну группу лишь по формальному признаку.

По мнению ряда западных аналитиков, уже появились свидетельства того, что БРИК развивается по пути формирования политического клуба или даже альянса, который уже сейчас пытается конвертировать свою растущую экономическую мощь в более осязаемое политическое влияние в международных делах. Они полагают, что растущее политическое сотрудничество в рамках «четверки» призвано помочь каждому

* ВВП Бразилии повысился на 5,1% в 2008 г. и упал 0,2% в 2009 г. У России этот показатель увеличился на 5,6%, но затем сократился на 7,9%.

из его участников выбивать уступки у США.

В качестве примера приводится успех Индии, которая добилась соглашения с Вашингтоном о сотрудничестве в гражданской ядерной сфере.

Страны БРИК имеют много общих и совпадающих целей, одна из которых – продвижение концепции *многополярности в международных отношениях*. Эта концепция воспринимается многими на Западе как стремление пересмотреть существующий статус-кво.

В итоговой декларации первого саммита БРИК (2009 г.) лидеры России, Бразилии, Индии и Китая призвали к созданию многополярного мирового порядка.

К числу ведущих держав, ориентированных на ревизию существующей международной системы, американский политолог З.Бжезинский относит Россию, Китай и Индию. По его мнению, «все они хотят изменения в иерархии мирового порядка»⁴. Правда, он уточняет, что свои «ревизионистские» амбиции эти государства пытаются реализовать достаточно осторожно.

Неожиданностью для многих стало то, что государства БРИК столь активно развивают свое взаимодействие и пытаются активно влиять на международную повестку дня. Правда, скептики возражают, что амбиции этих стран опережают их реальные возможности, которые на самом деле гораздо скромнее, нежели суммарные статистические показатели вклада группы БРИК в мировую экономику.

Общим для стран БРИК является настороженное отношение к новомодным концепциям государственного суверенитета, способность играть заметную роль в создании и поддержании миропорядка на региональном (в большей мере) и глобальном (в меньшей мере) уровнях, стремление добиться признания более высокого статуса для

себя в международных делах, определенная степень внутренней целостности, наличие потенциала для эффективных действий в сфере межгосударственных отношений и осязаемое влияние специфики регионального контекста в их внешней политике.

На первом и втором саммитах БРИК, которые прошли в июне 2009 г. и в апреле нынешнего года (соответственно в Екатеринбурге и в Бразилии), президент России Д.А.Медведев призвал «четверку» к совместным действиям в рамках группы *G-20*. Возросшая роль «большой двадцатки» в период борьбы с мировым финансовым кризисом диктует необходимость расширения представительства государств в международных институтах.

Государства группы БРИК, несмотря на существующие между ними разногласия и несовпадающие интересы по отдельным вопросам (в частности, по проблеме расширения состава постоянных членов СБ ООН, в вопросе лимитов на выбросы парникового газа в рамках борьбы с потеплением климата), претендуют на большую роль в новых или реструктурированных институтах глобального управления, выступают за развитие многосторонних форматов мирорегулирования и стремятся продвигать согласованную позицию на международных форумах.

Россия, КНР, Индия и Бразилия считают, что назревшие реформы международных финансовых структур должны привести к существенному перераспределению голосов в МВФ и Всемирном банке в пользу стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран с тем, чтобы привести их участие при принятии решений в соответствие с вкладом этих стран в мировую экономику.

Хозяин второго саммита БРИК президент Бразилии Л.Лула да Силва на-

помнил в преддверии этого мероприятия, что «четверка» внесла в рамках группы *G-20* предложения по регулированию рынков, искоренению «налогового рая» и обновлению институтов Бреттон-Вудской системы.

«Что касается последнего, мы преисполнены решимости не позволить использовать первые признаки восстановления глобальной экономики как предлог для отказа от демократической перестройки этих организаций. Члены БРИК не для того внесли почти 100 млрд. долл. в МВФ, чтобы оставить все как было прежде».

Бразильский президент пообещал, что «мы, как группа, будем продолжать выступать за демократизацию многостороннего процесса принятия решений. Развивающиеся страны имеют право быть услышанными. Сокращение разрыва, который отделяет нас от богатых стран, – вопрос не только справедливости. От этого зависит экономическая, социальная и политическая стабильность в мире»⁵.

Если «большая восьмерка» не примет в свой состав Бразилию, Индию и Китай, это может подтолкнуть БРИК к формированию собственного аналога *G-8* из числа наиболее развитых государств незападного мира. Для Запада подобное развитие событий было бы весьма нежелательно, и это одна из причин, почему происходит «ползучее» расширение формата *G-8* за счет неформального включения в него упомянутых трех государств. Китай, Индия и Бразилия являются в последние годы неизменными участниками дискуссий во второй день работы саммитов «большой восьмерки».

Страны БРИК проявили активность в выдвижении идей, касающихся переустройства мирового порядка и участия самой «четверки» в этом процессе, хотя толчком к такой активности послужили неординарные внешние события.

Война на Кавказе (август 2008 г.) и газовый конфликт с Украиной (январь 2009 г.) побудили Москву выступить с международными инициативами по новому договору о евроатлантической безопасности и глобальной энергетической безопасности. Глобальный кризис вызвал тревогу у Китая за судьбу своих валютных накоплений, превысивших 2,2 трлн. долл., и подтолкнул его к выдвижению в рамках «большой двадцатки» идеи введения новой мировой резервной валюты. Эта инициатива получила поддержку на первом саммите БРИК, который прошел в Екатеринбурге. В разгар мирового кризиса 2008–2009 гг. группа БРИК не скрывала своей обеспокоенности по поводу доминирования американского доллара в глобальной экономике.

Отношения между странами БРИК в формате «четверки» развиваются по пути повышения согласованности действий в рамках многосторонних форумов для продвижения общих целей и интересов.

Западу был бы невыгоден переход стран БРИК к институционализации своих отношений, поскольку подобная трансформация могла бы подстегнуть процессы консолидации в незападной части мира.

Однако и на нынешнем уровне политическое и экономическое сотрудничество государств БРИК оказывает существенное влияние на тенденции формирования нового миропорядка. Достаточно упомянуть о лидерстве Индии и Бразилии в неформальной коалиции государств Юга в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Правда, БРИК – это не монолитная группировка, и внутри нее есть противоречия: между Россией и Китаем существует конкуренция за влияние в Центральной Азии, Пекин не поддерживает заявку Дели на место постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Концентрация силы у США играет важнейшую роль в формировании взглядов БРИК на мировую систему.

Еще в начале XXI в. общим для этих государств было прагматическое приспособление к американской силе одновременно со стремлением к раскрытию потенциала совпадающих интересов. У БРИК просматривается явное желание избегать конфронтации с Вашингтоном по вопросам, затрагивающим жизненно важные интересы США, наряду с готовностью вести жесткий торг и увязывать между собой проблемы, прощупывая порог американской терпимости*, чтобы защищать свои наиболее актуальные интересы где только возможно, прежде всего, в ближайшем геополитическом окружении.

Проблема, связанная с явно превосходящей силой, как отмечает британский политолог Э.Харрелл, состоит в том, что эта сила позволяет «сильным устанавливать законы для более слабых, поворачивать условия сотрудничества в свою пользу, навязывать свои ценности и модель поведения, подрывать процедурные правила, от которых стабильное и легитимное сотрудничество должно обязательно зависеть. Именно по этой причине ощущение необходимости "сдерживать" силу Соединенных Штатов составляло очень важный элемент политики Бразилии, России, Индии и Китая во многих областях и по многим вопросам, который скептики хотели бы приписать "нормальному дипломатическому торгу"»⁶.

Хотя страны БРИК не претендуют на создание военно-политического альянса, некоторые аспекты военно-технического сотрудничества внутри этой «четверки» не могут не вызывать настороженность США.

Это касается сотрудничества между странами БРИК в таких областях, как авианосный и ядерный подводный флот: Россия помогает Индии, а Китай и Бразилия – друг другу. Индия намерена иметь в составе своих военно-морских сил три авианосца к 2020 г.

Российская сторона должна завершить к 2014 г. перестройку тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Горшков» в полноценный авианосец для индийских ВМС. Недавно она передала индийскому флоту ядерную ударную подлодку К-152 «Нерпа» в аренду на 10 лет за 650 млн. долл. (там она будет ходить под названием «Чакра») и оказывает помощь в разработке индийской ядерной подлодки «Арихант».

Китай устами министра обороны этой страны Лян Гуанле заявил (2009 г.), что намерен создать собственный авианосный флот. Пока будут строиться авианосцы, китайская сторона, согласно условиям закрытого соглашения с Бразилией, сможет обучать своих моряков и летчиков палубной авиации на бразильском авианосце «Сан-Паулу» (бывший французский авианосец «Фош», приобретенный у Франции в 2000 г.) в обмен на финансирование работ по модернизации этого корабля.

Китай, возможно, окажет помощь Бразилии в строительстве ядерных подлодок.

Общей тенденцией в эволюции позиции стран БРИК является движение от признания неуязвимости американского превосходства к необходимости восстановления многополярности. По мнению западных аналитиков, эти четыре государства придерживаются в отношении США тактики «мягкого контрбалансирования», которая не подразумевает выстраивания военных альянсов или иных форм открытого противостояния американскому доминированию, а предполагает разные виды сотрудничества и использование

* Россия это делает, поддерживая сотрудничество с Ираном, в том числе и в военно-технической сфере, пусть и менее активно в последнее время, и осуществляя крупные поставки военной техники Венесуэле несмотря на недовольство Вашингтона.

невоенных инструментов (неформальные договоренности, совместные шаги, сотрудничество в региональных и международных институтах), чтобы повысить для Вашингтона издержки его односторонних действий и осложнить достижение желаемых целей при выборе агрессивной политики.

Если администрация Дж.Буша не скрывала своего скептицизма в отношении многосторонней дипломатии, то президент США Б.Обама демонстрирует готовность воспринимать, или, по крайней мере, прислушиваться к мнению других стран.

Американский политолог Д.Роткопф полагает, что «потребность в широком международном взаимодействии не только вокруг финансового кризиса, но и по многим другим мировым проблемам почти наверняка приведет администрацию Обамы к более активному сотрудничеству с государствами группы БРИК»⁷.

Он отмечает, что не только США, но ЕС и другие игроки, которые будут принимать участие в разработке политического и экономического порядка XXI в., вынуждены считаться с позицией «восходящих держав», учитывая их растущий международный вес.

Однако далеко не все готовы признать неизбежность подобной трансформации международной системы. Американские политологи консервативного толка, как и некоторые европейские аналитики, особенно британские, в суждениях которых сквозит явный снобизм, отводят странам БРИК более скромное место в международной системе, причисляя их к категории «важных государств второго уровня», к числу претендентов на вхождение в клуб великих держав. Подобное принижение статуса членов группы БРИК является довольно спорным, ведь по масштабу своего международного влияния Китай едва ли уступает Великобритании или Франции, а скорее

даже превосходит эти европейские государства.

По мнению ряда западных политологов, **США и страны БРИК роднит приверженность традиционной («жесткой») концепции государственного суверенитета.** Отсюда и их сходство в том, что все они, в отличие от европейцев, не проявляют большого энтузиазма в отношении наднациональных механизмов многостороннего глобального управления и соглашаются участвовать в международном сотрудничестве исключительно по прагматическим или статусным соображениям, когда это диктуется национальными интересами. Исключением является членство в privilegiрованных структурах, типа Совета Безопасности ООН, «большой восьмерки/двадцатки» или «квартета» по ближневосточному урегулированию, а также в региональных структурах, где эти государства выступают в роли лидера (например, в ОДКБ и ШОС).

Россия заинтересована в том, чтобы БРИК эволюционировала из группировки представительского типа, формально объединяющей крупнейшие по экономическому потенциалу страны незападного мира, в структуру с функционирующими механизмами взаимного сотрудничества. Она считает многообещающими сферами такого сотрудничества ядерную энергетику, авиастроение, освоение и использование космоса, нанотехнологии, сельское хозяйство, финансовое взаимодействие (в частности, возможность региональных валютных договоренностей) и взаимодействие по обеспечению экономической безопасности.

На саммите в Бразилии (апрель 2010 г.) лидеры четырех держав обязались согласовывать свои дипломатические усилия в отношениях с партнерами группы БРИК для решения таких глобальных проблем, как продовольственная безопасность, энергопроизводство в контексте изменения климата.

Место России в формирующемся миропорядке

Миропорядок формируется в результате конкуренции потенциалов великих держав, представляющих собой совокупность различных компонентов жесткой (военной) и мягкой (невоенной) силы. Россия уступила Западу в политико-силовом противостоянии на Балканах, но не намерена повторять этот опыт и отступать на пространстве СНГ, в том числе на Кавказе.

Как отмечает американский политолог С.Коубер, «все государства пользуются на сопредельных территориях большим влиянием, чем в удаленных регионах мира, и до тех пор, пока в международных отношениях сила превалирует над правом, великие державы будут иметь свои сферы влияния»⁵.

В новом мировом порядке Россия будет сталкиваться с конкуренцией США и ЕС в европейской зоне постсоветского пространства (включая Закавказье) и с Китаем – в Центральной Азии. Поскольку эти три полюса будут сильнее ее экономически и более влиятельными политически, российской дипломатии потребуются проявить изобретательность в использовании ресурсов международного влияния страны для нейтрализации их перевеса.

Россия рассматривается большинством западных экспертов как важный геополитический фактор в политике Запада, как региональная держава, способная поддерживать глобальное внешнеполитическое присутствие.

Российское руководство, судя по выступлению президента России Д.А.Медведева (12 ноября 2009 г.) с ежегодным «Посланием Федеральному Собранию», видит будущее России как *глобальной державы*. Однако статус государства в системе международных отношений определяется не «самоназначением», а тем, в каком качестве оно признается большинством государств

мирового сообщества, включая ведущие державы, что отнюдь не предполагает самоустранения от позиционирования себя в системе международных отношений и от доведения собственных оценок до членов мирового сообщества.

Критерии статусности государств трансформируются с течением времени, но по-прежнему их адекватность зависит от того, насколько они *объективны* в своей основе.

Британский политолог Э.Харрелл отмечает, что «государство может заявить претензии на статус великой державы, но членство в клубе великих держав является социальной категорией, которая зависит от признания других: как равными ему по этому клубу, так и менее крупными и более слабыми государствами, готовыми принять легитимность и полномочия тех, кто находится на вершине международной иерархии»⁶.

Если в период холодной войны обладание ядерным оружием считалось одним из ключевых критериев принадлежности к кругу избранных, то в современных условиях стремление к ядерному статусу, как показывает опыт Ирана и КНДР, создает больше проблем, чем перспектив.

Многие западные политологи сходятся в оценке статуса России как *великой, но региональной державы* в рамках формирующегося миропорядка. Хотя они теперь предпочитают воздерживаться от употребления понятия «стратегическое партнерство» для характеристики будущего отношений между Москвой и Западом, тем не менее признают, что Россия будет представлять собой силу, которую невозможно игнорировать ввиду глобального масштаба активности ее дипломатии, потенциально мощных вооруженных сил, статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. Мно-

гие из них считают, что в интересах США и Европы вовлечь РФ в сотрудничество по крупным стратегическим проблемам.

З.Бжезинский, никогда не отличавшийся особой симпатией к России, в своей недавней статье включил ее в разряд «ведущих мировых держав» наряду с США, ЕС, Китаем, Японией и Индией⁴.

В западном сообществе сохраняются серьезные разногласия в отношении того, как следует вести дела с Россией.

Когда Запад рассматривает вопрос о сотрудничестве с Москвой, то главная дилемма для него состоит в том, как осуществить интеграцию России в евро-атлантические структуры, не предоставляя ей право участия в принятии решений. Предложенный в начале XXI в. компромисс предусматривал предоставление России права голоса, но не вето в структурах, контролируемых США (Западом). Москва была вынуждена этим довольствоваться, хотя

выступала за создание системы принятия совместных решений по основным вопросам европейской (и евразийской) безопасности. Создание Совета Россия – НАТО (СРН) не решило основного вопроса, каким весом должен обладать российский голос в Атлантическом альянсе.

Политические декларации, структуры и проекты мало что значат, если они не подкрепляются соответствующим ресурсным обеспечением.

Повышение эффективности партнерства с Москвой не было в числе основных приоритетов НАТО, даже если на словах утверждалось обратное. Средства, которые выделяются под совместные планы в рамках СРН, значительно меньше тех ожиданий, которые следуют из политических заявлений обеих сторон, а обсуждение «судьбоносных» проектов (например, создание совместной ПРО) топчется на месте уже не первый год.

Американские теоретики о новом миропорядке

Еще несколько лет назад политологи в США были увлечены дискуссиями об «американской империи». Однако сейчас все более распространенной среди них становится точка зрения, согласно которой мир приближается к концу «американской однополярности». В западном экспертном сообществе наблюдается широкий разброс точек зрения и гипотез в отношении будущего миропорядка, сроков его становления и тех явлений, которыми будет сопровождаться процесс его формирования.

Для неореалистов основным критерием в оценке мироустройства служит распределение материальной силы. Концентрация силы является, по их мнению, ключевой детерминантой внешней политики. Они убеждены, что

появление новых центров силы неизбежно приведет к напряженности в вопросах силовой политики.

Политолог Ч.Грант отмечает, что «для больших и сильных государств естественно опираться на критерии силы, а менее крупные и более слабые государства склонны рассматривать многосторонние институты как защиту от принуждения со стороны сильных»⁹.

У приверженцев «неореалистской» школы политической мысли военная сила и война играют главную роль в понимании того, как распределяется влияние в мире, и кого считать великой державой.

По мнению Дж.Мершаймера, «великие державы определяются на основе соотношения между их военными потенциалами. Чтобы соответствовать квалификации великой державы, государство должно об-

ладать достаточными военными активами, чтобы вести серьезную борьбу в ходе полномасштабной неядерной войны против наиболее сильного государства в мире»¹⁰.

Теоретики, принадлежащие к неореалистскому направлению, Дж.Миершаймер, Ч.Капчан и Т.Эш считают наиболее вероятной моделью будущего мироустройства многополярность, ключевой чертой которой является многостороннее соперничество великих держав.

Согласно другому сценарию в силу определенных событий, например, военного конфликта с Ираном будущий миропорядок будет выстраиваться вокруг противостояния Запада и исламского мира, где другие полюса и центры влияния постараются оставаться над схваткой и не дать себя втянуть в эту конфронтацию. «Конфронтационные модели» нового миропорядка, даже если они и не предполагают, что соперничество между различными центрами силы будет выплескиваться в виде открытых вооруженных конфликтов, подразумевают существенные ограничения для международного сотрудничества в решении общих проблем и вызовов.

Политологи *консервативного направления*, в частности С.Брукс, У.Уолфорт, Р.Кейган, Ч.Краутхаммер полагают, что «американская однополярность» является долговременным явлением и сохранится в обозримой перспективе.

Они оспаривают тезис своих оппонентов о закате однополярного миропорядка, утверждая, что подобный взгляд недооценивает силу США точно также как недавние разговоры об «американской империи» ее преувеличивали. В ответ на аргумент, что доля США в мировом ВВП постоянно сокращалась в течение 7 лет до наступления глобального кризиса, приверженцы «однополярной концепции» приво-

дят свои доводы: как и два десятилетия назад, когда наступил период однополярного американского доминирования, так и сейчас вес США по **традиционным критериям силы** больше, чем он был у какого-либо государства в новейшей истории. На Соединенные Штаты приходится почти половина мировых расходов на оборону и четверть мировой экономики.

Политологи консервативного толка предполагают, что полюса или основные центры влияния будущего мирового порядка будут группироваться в два враждебных лагеря по аналогии с периодом биполярной конфронтации Восток – Запад. Однако теперь линия глобального размежевания пройдет между западными державами, к которым примкнут новые демократические государства, и странами с авторитарными режимами, к которым они причисляют Россию, Китай, Иран и всех тех, кто, по их мнению, является противником политического либерализма. Однако подобная гипотеза уже сейчас не проходит проверку на достоверность – достаточно привести недавний пример, когда такая великая страна из числа новых демократий как Индия не поддержала инициативы Запада в ООН по санкциям в отношении антидемократического, репрессивного режима Бирмы, оказав твердую дипломатическую поддержку властям этой страны.

Для политологов из лагеря *либеральных институционалистов* характерным является постулат о том, что под влиянием глобализации и распространения транснациональных коммуникаций природа международных отношений эволюционирует в направлении вытеснения традиционных, все более отстающих от современных реалий представлений об интересах государства. Они отводят многосторонним институтам ключевую роль в регули-

ровании международной системы, формировании совместных и гармонизации несовпадающих интересов государств. По их мнению, глобализация и уплотняющиеся сети международных обменов и информации повышают востребованность институциональных механизмов управления на глобальном и региональном уровнях.

«Либералы-системники» придерживаются схожих воззрений, но акцент делают на постепенном и все более широком распространении либеральных ценностей в духе идеи Канта о том, что сила примера имеет решающее значение.

Изжила ли себя существующая система мирорегулирования?

Неизбежность появления нового миропорядка вытекает из исторической закономерности циклического подъема и заката великих держав. Международная система переживает период наиболее глубокой трансформации со времени создания послевоенного миропорядка во второй половине 40-х годов.

В основе этого процесса лежит совокупность целого ряда системных факторов, в числе которых размывание американской однополярности и нарастание полицентричности в международной системе, увеличение потенциала «восходящих» держав (прежде всего группы БРИК), которые выступают за создание более сбалансированной и равноправной системы международных отношений. То, что тенденция ухода от американоцентричного мира носит объективный и долгосрочный характер, продолжают оспаривать в основном адепты ортодоксального консерватизма.

Хотя многие важные проблемы, связанные с будущим миропорядком, не поддаются точному прогнозированию, невозможно не заметить общей

Этот процесс, по их мнению, происходит частично в результате расширения зоны действия либеральной экономики в мире под влиянием экономической глобализации и растущей экономической взаимозависимости, и частично – вследствие того, что либеральный правовой порядок начинает поддерживать самостоятельно существующее международное гражданское общество. Они предполагают, что эти процессы приведут к ограничению распространности силы в международных отношениях, в частности к девальвации «жесткой» (военной) силы.

направленности трансформации международной системы.

Одной из характерных черт нынешнего этапа формирования нового миропорядка является растущий разрыв между масштабом современных вызовов и ограниченностью возможностей реагирования на них в рамках национального механизма принятия решений.

Однако усилия по преодолению глобального финансово-экономического кризиса показали, насколько сложно найти общий и эффективный знаменатель для реформы мировой финансовой системы, учитывая существенные различия в уровне развития финансовых рынков в разных странах мира. Эти трудности в полной мере проявились на саммитах «Группы двадцати» в Вашингтоне, Лондоне и Питтсбурге, где шло согласование совместных антикризисных мер ведущих держав мира. Встречи в рамках «G-20» подтвердили правоту тех, кто утверждал, что идея создания нового финансового миропорядка («Бреттон-Вуд-2») пока не имеет под собой необходимой материальной основы и не пользуется поддержкой ключевых игроков.

Основными субъектами существующей системы международных отношений по-прежнему являются государства, подавляющее большинство которых не проявляет готовности делегировать даже часть своих суверенных полномочий на наднациональный уровень для решения общих проблем.

Опыт стран ЕС является здесь исключением и в силу своей уникальности не может быть механически перенесен на другие регионы. Несмотря на масштабы глобализации, многие проблемы транснационального характера возможно было бы эффективнее решать в рамках более узких, неформальных групп: это касается, в частности, механизма сглаживания колебаний на мировом рынке энергоносителей и

обеспечения большей его предсказуемости.

В рамках неформальных форумов сравнительно более узкого состава с участием ведущих держав могли бы рассматриваться и взаимосвязанные проблемы международного терроризма, организованной преступности и нелегальной иммиграции. Основные направления и цели, устанавливаемые неформальными структурами управления миропорядком, служили бы ориентирами для остальных членов международного сообщества и не подрывали бы правила и нормы регулирования, которые вырабатываются более представительными «статусными» международными структурами, наделенными соответствующей компетенцией по профилю своей деятельности.

Примечания

- ¹ Report submitted on behalf of the Political Committee by Daniel Ducarme. Paris: European Security and Defence Assembly. Document A/2028. 2 December, 2008. P. 6.
- ² *Grant C., Valasek T.* Preparing for the multipolar world // European foreign and security policy in 2020. London: the Centre for European Reform (CER). 2007. December. P. 3.
- ³ *Shepherd R.* Santa Klaus is Coming To Town // The World Today. 2009. January. Vol. 65. No.1. P. 27.
- ⁴ *Brzezinski Z.* An Agenda for NATO: Toward a Global Security Web // Foreign Affairs. 2009. September–October. Vol. 88. No. 5. P. 12.
- ⁵ *da Silva Luiz Inacio Lula.* The BRIC Countries Come Into Their Own as Global Players. (Posted: April 15, 2010) // http://www.huffingtonpost.com/luiz-inacio-lula-da-silva/the-bric-countries-come-i_b_539541.html
- ⁶ *Hurrell A.* Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? // International Affairs. 2006. Vol. 82. No. 1. P. 16.
- ⁷ *Rothkopf D.* A Bigger Clubhouse: Emerging-market powers will define the new 'new world order' // Newsweek. 2008. November 24. Vol. 152. No. 21. P. 16.
- ⁸ *Kober S.* Cracks in the Foundation: NATO's New Troubles. Policy Analysis. 2008. January 15. No. 608. P. 2.
- ⁹ *Grant C.* Can Russia contribute to global governance? // <http://centreforeuropeanreform.blogspot.com/2009/06/can-russia-contribute-to-global.html>
- ¹⁰ *Mearsheimer J.J.* The tragedy of great power politics. New York: Norton, 2001. P. 5.